

Н. В. КАРНАЧУК

НОВОСТИ О РОЖДЕНИИ ЧУДОВИЩ И АНГЛИЙСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI – XVII ВЕКА

Статья посвящена анализу английских площадных текстов XVI–XVII вв. о рождении чудовищ, выявлению специфики этих текстов в сравнении с более элитарными книгами на сходную тему: памфлетами и проповедями. Показана эволюция этого жанра и связь ее с некоторыми установками общественного сознания.

Ключевые слова: Англия XVI–XVII вв., площадная литература, площадная баллада.

Предания о монстрах, рождающихся по соседству или обитающих в далеких, неведомых землях, можно обнаружить практически на любом этапе существования цивилизации. И, как верно замечено, «мы создаем своих чудовищ сообразно нашим представлениям о том, что такое человек»¹. Иными словами, чудовища, о которых рассказывают – и облик их, и происхождение, и послание, которое содержится в их странном виде, – непосредственно связаны с обществом, создающим и принимающим рассказ о чудовище, переплетены с присущими этому обществу понятиями о норме и чудовищности. Серьезные подвижки в религиозных, властных, гендерных кодах, социальные и экономические кризисы неизбежно акцентируют понятие «нормального» и «правильного», обычно создавая у современников ощущение, что норма находится под угрозой. Неудивительно, что в такие периоды сюжеты о чудесном и чудовищном становятся особенно популярными и впитывают в себя отголоски проблем и тревог общества. Что вызывало наибольший интерес современников в рамках этих историй, как расставлялись в них акценты, как изменялись во времени эти акценты – ответ на эти вопросы всегда может пролить дополнительный свет на эволюцию общественного сознания.

В данной статье внимание сосредоточено лишь на одном сюжете, связанном с чудовищными и чудесными явлениями: на сообщениях о рождении младенца-монстра (в отдельных случаях – не человеческого ребенка, а приплода свиньи, коровы или овцы), необычный облик которого заставлял видеть в нем нечто знаковое и пророческое. Достаточно узки географические и хронологические рамки исследования: это английские сочинения о младенцах-монстрах, создававшиеся на протяжении 1562–

---

¹ Block. 2012. С. XXXVI.

1700 г. Это период от первого всплеска популярности данной темы до момента, когда интерес к «монстрам» значительно ослабел, а для образованной публики почти полностью изменил свой смысл, из сакрального явления превратившись в естественноисторическое.

Кроме того, границы обозначенного периода обусловлены временем расцвета площадной литературы, которая, прежде всего, и анализируется в статье. Середина XVI в. была отмечена значительным ростом количества площадных листов и баллад и появлением первых документов, позволяющих хотя бы до некоторой степени проследить их распространение: прежде всего, Реестра компании книгоиздателей. А к концу XVII в., несмотря на видимое процветание жанра площадной баллады, кардинально изменилась его целевая аудитория. В эпоху Елизаветы Тюдор и первых Стюартов площадной лист и баллада являлись предшественниками газет и покупались как беднейшими горожанами и даже крестьянами, так и представителями элиты. К исходу XVII в. потребителями баллад были уже исключительно социальные низы². Отказ более зажиточной и образованной публики от чтения баллад, перенос их внимания на появившиеся периодические издания, происходили постепенно. В 1622 г. вышли первые «Куранты», но вплоть до 1641 г. в них запрещались публикации о событиях внутри страны³. К таким новостям относились и сообщения о чудесном. Постепенно, в эпоху революции и гражданской войны, английские новости, прежде всего военные, стали достоянием периодики, но лишь в 1665 г. появилась настоящая «Лондонская газета». К этому моменту площадная литература была полностью оттеснена в рамки низкопробной литературы для черни⁴.

Возвращаясь к узости тематических рамок работы, отмечу, что это результат осознанного выбора. На настоящее время в исторической науке уже существует ряд работ, анализирующих наиболее рельефные особенности отношения европейца раннего Нового времени к чудовищным созданиям, работ, привлекающих не только английские, но и континентальные источники⁵. В них, прежде всего, подчеркивается, что рост интереса к чудесным знакам – необычным природным явлениям и появлению странных существ – обострился на рубеже Средневековья и Нового времени, но этот интерес к чудесному сосуществовал с процессом «расколдовывания мира». Интеллектуальная мысль мало-помалу

---

² Карначук. 2011.

³ Алябьева. 2004. С. 85.

⁴ Wurzbach. 1990. С. 8.

⁵ См.: Bates. 2005; Marvels, Monsters, and Miracles...; Niccoli. 1990; Wilson. 1993.

переходила от трактовки рождения уroda как Божьего послания, которое является ответом на прегрешения родителей и всего христианского мира, и которое может и должно быть расшифровано людьми, к пониманию его как причуды природы, проявления ее безграничных возможностей. Изучение этой причуды расценивалось как в высшей степени полезное для исследования самой природы и стало одной из постоянных тем в периодических изданиях нарождающихся научных обществ⁶. С научным дискурсом соседствовал религиозно-моралистический, сохранявший и даже развивший трактовку появления уroda как прямого знака от Бога: отмечается, что сторонниками протестантизма этот мотив использовался значительно активнее и дольше, чем католиками. Показано также, что, как в ученой, так и в площадной литературе сакральное значение рожденного «чудовища» сочеталось с дотошным интересом к деталям внешнего его вида и поведения, а небесный замысел его появления соседствовал с прозаическими причинами, такими как недоношенность плода или болезни родителей. Эти общие черты, с незначительными вариациями, можно проследить в литературе Италии, Германии и Швейцарии, а чуть позднее – также Англии и Франции.

Однако при масштабном подходе скрадывается ряд деталей и оттенков смыслов, присущих литературе отдельных регионов и различных жанров: обозначая сходные черты, немецкой, итальянской и английской, медицинской, религиозно-полемиической и площадной литературы о новорожденных монстрах, мы с трудом различаем черты уникальные. В этой статье мне хотелось бы показать более тонкую механику зарождения, распространения и изменения нарратива о появлении на свет чудовищного младенца в пользовавшейся массовым спросом английской площадной литературе второй половины XVI–XVII вв.

Помимо этого, в имеющихся исследованиях о появлении «монстров» основное внимание обращалось на те изменения, которые происходили во взглядах образованных слоев: медиков, профессиональных литераторов, людей церкви⁷; площадная же литература использовалась как дополнительная к медицинским, философским, религиозным и литературным произведениям, а не как самостоятельный пласт текстов, обладающих только им присущими особенностями и тенденциями развития.

В отличие от медицинских и философских трудов, площадная литература не была отягощена подробностями длительной традиции «монстроведения» от Плиния Старшего и св. Августина и до Лютера, она реаги-

---

⁶ Bates. 2005. С. 95-103.

⁷ Bates. 2005; Williams. 2011; Crawford. 2005; Беггер. 2004.

рвала, в первую очередь, на новейшие события и стремилась именно их изобразить детально и совместить с запросами читателей. Площадная литература в период своего расцвета обращалась к широчайшему в социальном, гендерном и возрастном плане кругу читателей, в отличие от напечатанного текста проповеди или религиозного памфлета-книги, прежде всего востребованного благочестивым и в достаточной мере образованным и зажиточным покупателем, и обозначала наиболее массовые интересы, тревоги и ожидания общества. Кроме всего прочего, сюжеты о чудесных рождениях в площадной литературе тиражировались в значительных количествах, что дает возможность сделать выводы о повторяющихся мотивах, сюжетных и лексических предпочтениях не одного, а десятков авторов. Основными видами площадной литературы были баллада и памфлет на одну страницу, который представлял собой единственный лист с гравюрой и прозаическим, небольшим по объему, текстом.

Итак, в эпоху раннего Нового времени европейские страны переживали заметный бум популярности историй о рождении чудовищных младенцев, который начался в середине XV в. и продлился более полутора сотен лет, по временам усиливаясь или ослабевая. Этот бум оставил массу свидетельств о себе в серьезной философской, медицинской и богословской литературе, отозвался в произведениях Рабле, Монтеня, Лютера, Джироламо Кардано и Амбруаза Паре, а также сильно затронул пласт дешевой и популярной, полемической и новостной литературы⁸.

В Англии интерес к этой теме проявился значительно позже, чем в германских землях или государствах Италии. Первыми, дошедшими до нас, свидетельствами его проникновения на территорию страны, являются площадной лист 1531 г. о рождении в Либенхэме ребенка с двумя телами и одной головой, лист-памфлет 1552 г. о рождении сросшихся близнецов в Миддлтон Стоуни, близ Оксфорда⁹, а также книга английского изгнанника, протестанта Джона Понета «Краткий трактат о политической власти и истинном повиновении, которым подданные обязаны своим королям и иным светским властям». В своем труде, написанном в Швейцарии, но распространявшемся и на родине, Понет привел список рождений чудовищ в Англии за 1552-56 гг.¹⁰.

Без сомнения, рассказы о рождении чудовищ на континенте доходили до английской публики и ранее, в первой половине XVI столетия, и не только в рамках медицинских трактатов, написанных на латыни. Ранняя

---

⁸ Niccoli. 1990; Cheng, 2012; Williams. 2011.

⁹ О памфлете 1531 г. см.: Purkiss. 2005. С. 164; памфлет 1552 г.: Коллекция Британского музея.

¹⁰ См. Brammall. 1996. С. 9.

литература протестантизма активно задействовала истории чудовищных рождений для атаки на католическую церковь. Pamфлет Лютера и Меланхтона 1523 г., «*Deutung der czwo grewlichen Figuren, Bapstesels czu Rom und Munchkalbs zu Freijberg ijnn Meijsszen funden*» с гравюрами и рассказом о рождении чудовищного «теленка-монаха» и «осла-папы» был переведен на английский и имел хождение в стране¹¹. Кроме того, достигали английского читателя и популярные с конца XV в. в Италии и германских землях сборники сообщений о чудесах и пророчествах, включавшие в себя истории о рождении младенцев-чудовищ. И все же тема, видимо, не вызывала большого интереса широкой публики вплоть до 1562 г., который даже современники отметили названием «год чудовищ».

Исследователи, отмечая всплеск публикаций о чудовищных рождениях в Англии, довольно приблизительно указывают, что он «нарастает в 1550–1570 гг.», и объясняют это ростом экономического и социального напряжения в указанные годы¹². Связь социальной тревожности и темы чудовищных рождений, с ее богатым пророческим и апокалипсическим зарядом, неоспорима, и другие схожие явления подтверждают наличие в обществе в начале 1560-х отчетливого, осознанного чувства тревожности и общих ожиданий «последних дней». Судя по записям в Реестре компании книгоиздателей, в этот год появился целый ряд баллад, призывающих к покаянию, а также баллада «Генеалогия Антихриста»¹³; одновременно росло число королевских указов о запретах на дорогую и пышную одежду¹⁴. Последнее немаловажно, поскольку указы об ограничении роскоши были в значительной степени связаны со стремлением уменьшить проницаемость барьеров между различными социальными статусами, поддержав, таким образом, традиционную властную и гендерную иерархию, которая, с точки зрения современников, находилась под угрозой¹⁵. Общая неустойчивость экономической ситуации, связанная с недородами и ростом числа бездомных и нуждающихся, порождала заметную тревогу в обществе, которая выплескивалась в массовую площадную литературу.

Но зарождение и колебания собственно темы рождения чудовищ можно проследить гораздо четче. Эта тема, судя по всему, почти не востребованная в массовой литературе до 1562 г., по какой-то причине (возможно, ею стала особенно оживленная реакция современников на

---

¹¹ Историю создания и распространения памфлета см. *Andersson*, 1986. С. 123-132, а также *Park and Daston*, 1981. С. 25-28.

¹² *Brammall*. 1996. С. 8.

¹³ A transcript of the Registers of the Company of Stationers... С. 75.

¹⁴ *Crawford*. 2005. С. 36.

¹⁵ См. об этом: *Карначук*. 2008.

опубликование первого листа с памфлетом о рождении монстра) становится остро популярной. В Реестре компании книгоиздателей, куда вносились все данные об оплате печатниками лицензий за издаваемую ими продукцию, одна за другой появились четыре баллады от трех разных печатников, повествующие о рождении чудовищных младенцев или деформированных поросят¹⁶. Две другие баллады о рождении чудовищ, относящиеся к 1562 г. и дошедшие до наших дней, не отмечены в Реестрах¹⁷. Последний факт не является чем-то удивительным: на протяжении всей второй половины XVI в. нарушения законов об обязательном лицензировании печатной продукции были постоянным явлением.

Современники в письмах, дневниках и исторических хрониках отметили появление многих удивительно деформированных поросят и младенцев, причем иногда мы встречаем косвенные указания на случаи, не нашедшие отражения в известных нам площадных текстах. Так, принесенный в Лондон напоказ публике в апреле 1562 года поросенок «с огромными рюшами вокруг шеи, указанием на огромные рюши, которые носят как мужчины, так и женщины», описанный Генри Мачином в дневнике, не упомянут ни в одной из известных нам баллад¹⁸. Историки Джон Ховард и Джон Стоу упоминают в своих хрониках удивительных детей, поросят, телят и ягнят, появившихся на свет в 1562 г.¹⁹

Таким образом, тема становится достоянием самых широких слоев населения и задает моду на ближайшие несколько лет: насколько известно, шесть баллад и листов появились в 1562 г., две баллады в 1564 г., одна баллада и один площадной листок в 1565 г., три баллады в 1566 г., и еще одна баллада – в 1558 г. После этого взлета наступает довольно долгое затишье: с 1569 по 1576 гг. можно найти следы всего одной баллады про рождение монстра, хотя текст ее и не сохранился. В конце 1570-х гг., в течение трех лет, опубликованы сразу пять сообщений о новорожденных чудовищах, сопровождающиеся призывами к покаянию. Впоследствии подобных пиков не возникает, хотя иногда, раз в семь-десять лет, появляются единичные сообщения о рождении монстров. По числу наименований тема чудовищ не может соперничать, например, с гораздо более популярной темой преступления и казни преступника. В то же время баллады о рождении чудовищ появляются чаще, чем площадные

---

¹⁶ A transcript of the Registers of the Company of Stationers... С. 75, 85в.

¹⁷ A mervaylous strange deformed swine // A collection of seventy-nine black-letter ballads... С. 186-188; The true reporte of the forme and shape of a monstrous childe, borne at Much Horkesleye // Ibid. С. 27-29.

¹⁸ Machin, 1848.

¹⁹ Stow. 1592. С. 1096; Crawford. 2005. С. 39.

тексты о судах за колдовство. И, как справедливо заметил А. Бэйтс, баллады о чудовищах – единственный вид площадной литературы, где мы встречаемся, пускай косвенно, с темой физической деформации и заболевания: ни вспышки эпидемий, ни иные медицинские казусы никогда не становились центральной темой площадного текста²⁰.

Сюжет о рождении чудовищного дитяти не исчезает из площадной литературы и, в качестве нарратива, из общественного сознания, обрастает целым рядом коннотаций и аллюзий, новые события того же плана вызывают ожидаемый, хотя и не повышенный интерес и спрос. И, как будет показано ниже, на протяжении XVI–XVII вв., при всей осязаемости сложившейся традиции, детали сюжета, эмоциональный настрой и смысловое наполнение этих историй не остались неизменными.

Необходимо также обратить внимание на различие во времени популярности данной темы в разных видах печатной продукции – этот факт до сих пор не привлекал специального внимания историков. Большинство исследователей, исходя из собственных задач, чаще всего объединяет многостраничные памфлеты, площадные листы и баллады, но при детальном изучении такой подход оказывается спорным, как по причине хронологических несовпадений, так и силу того, что многие смысловые акценты в историях о чудовищах заметно отличаются в текстах разного формата. Конечно, не следует забывать то, что сближает разные жанры, а именно: и обширный трактат, и баллада возникали нередко по следам одного и того же реального случая. Баллады и листы обычно появлялись как моментальная реакция на происшествие: многие листки от события, описанного в них, отделяют всего несколько дней или недель. Можно проследить и прямую связь текстов: порой случаи, описанные в балладах, впоследствии попадали и в обширные книжки-компиляции или поучительные памфлеты. Случалось и обратное: сюжет баллады заимствовался из недавно опубликованной книги.

И, тем не менее, памфлеты-книги, повествующие о рождении чудовищ, начали издаваться в Англии со значительным запозданием относительно появления листов-однодневок. Первый памфлет по теме: «*A most strange and true discourse of the wonderfull judgement of God*» выходит в 1600 г., почти на сорок лет позже первой баллады²¹. С этого момента и до середины XVII в. было опубликовано одиннадцать памфлетов, главной темой которых являлось рождение на свет монстра, причем наиболее часто они появлялись в 1613–1617 гг., а затем – в 1642–1654 гг. Все извест-

---

²⁰ Bates. 2005. С. 45.

²¹ Crawford. 2005. С. 64.

ные нам памфлеты принадлежат перу протестантов, обычно – священников, и связаны с обострением религиозной и политической полемики в стране, в то время как баллады и листки, не реагируя так заметно на обострения межконфессиональной борьбы, провоцируются тревожностью, связанной с общими социально-экономическими трудностями.

Напрашивается вопрос: не были ли площадные сообщения о новорожденных монстрах всего лишь прилежной хроникой реальных событий? Не объяснялось ли зарождение моды на баллады о чудовищах рождением деформированных младенцев? Однако, по всей видимости, появления уродца самого по себе было недостаточно, чтобы подтолкнуть размах рассказов и сообщений о нем. Косвенно на это указывает весьма выборочное использование патологических рождений площадной литературой. А. Бэйтс указывает, что более трети случаев уродств, о которых сообщается в литературе XVI–XVII вв., составляют сросшиеся телами близнецы, в то время как, согласно современной медицинской статистике, этот тип уродств встречается относительно редко в сравнении с другими видами деформаций плода²². С другой стороны, в годы после казни Карла I появилось несколько баллад о рождении безголовых младенцев – деформация, которая не была ни разу зафиксирована до 1642 г.²³ Таким образом, не всякий уродливый младенец или поросенок оставлял по себе след в площадной литературе, а лишь тот, чей облик и время рождения в наибольшей степени отвечали тревогам и запросам современников. Площадной текст, как и любой другой, структурировал реальность в соответствии с представлениями автора и аудитории о значимом и пугающем.

В то же время, новорожденные чудовища в большинстве случаев не изобретались авторами баллад и памфлетов. Во-первых, ряд этих рождений и похорон умерших «монстров» можно проследить по церковно-приходским книгам²⁴. Во-вторых, на это косвенно указывает география мест чудовищных рождений. Часть чудовищ, о которых идет речь в площадной литературе, родилась внутри страны, а часть – за пределами Англии, но лишь в период первого острого интереса к теме с большим перевесом преобладают «отечественные» чудовища над зарубежными. Наоборот, когда в 1630-е гг. тема перестает быть исключительно тревожной и приобретает некоторые черты развлекательной литературы, большинство листов и баллад о чудовищах – это истории заморских диковинных рождений, имевших место в Женеве, Нидерландах или Италии.

---

²² Bates. 2005. С. 20-22.

²³ Crawford. 2005. С. 114-115.

²⁴ Crawford. 2005. С. 89.

Что же касается рождений чудовищных существ внутри страны, то они разнесены по ее территории гораздо ровнее, чем, например, места возбуждения ведовских процессов. Монстров производили на свет в большей части графств Англии, как в торговых городах, так и в глухих местечках, и такого рода события лишь немногим чаще фиксируются в экономически и социально мобильных регионах востока и юга (Лондон и его окрестности, Плимут, Суссекс, Кент). Монстры рождались и на севере, в Нортумберленде, и в Ланкашире и в Йоркшире, а также в центральных и западных графствах. Рискну высказать предположение, что для баллады и площадного листка – но не для проповеди и памфлета – местная «привязка» имела меньше значения, чем сам факт появления монстра. Памфлеты и проповеди, как показала Джулия Кроуфорд, часто были завязаны на конфликты локального уровня, в них нередко отражался конфессиональный конфликт, общественное порицание аморального поведения отдельных его членов или желание местных властей совладать с бродяжничеством и появлением пришлых бедняков²⁵. Площадная литература превращала рождение чудовища в историю «для всех», универсализируя ее основную посылку.

И эта посылка, как и спектр эмоций, которые она призвана была пробудить в читателях, не оставались неизменными в течение полутора веков. Общее направление эволюции отношения к монстрам в обществе указывалось еще в статье К. Парк и Л. Дастон, в рамках постулированного П. Берком отделения культуры образованной элиты от простонародной: «В ранние годы Реформации тенденция считать монстров чудесами – ужасными знаками Божьего гнева, зависящими целиком и полностью от Его воли – была почти универсальна. К концу семнадцатого века только наиболее простонародные виды литературы – баллады, площадные листы и случайные религиозные памфлеты относились к монстрам по-прежнему. Для образованных мирян, полных Бэкониянского энтузиазма, а тем более для профессионального ученого 1700 года, ассоциация чудовищ с религией была лишь еще одним проявлением народного суеверия и невежества»²⁶.

В работе, посвященной анализу текстов о монстрах в английской литературе, Дж. Кроуфорд высказывает мнение, что в произведениях на эту тему ощутимо стремление протестантски настроенных авторов и издателей реформировать общественную мораль и способствовать закреплению в сознании читателей идей Реформации. Одновременно, по

---

²⁵ *Crawford*. 2005. С. 139-142.

²⁶ *Park and Daston*, 1981. С. 24.

мнению исследовательницы, эта литература проникнута мизогинистским настроением, которое просматривается как в личной греховности женщины-матери и ее вине в рождении монстра, так и в нападках авторов в первую очередь на женские пороки, особенно гордыню, болтливость и тщеславие, выражающееся в желании неумеренно наряжаться²⁷.

Но вдохновленное работами П. Берка представление о реформировании культуры низов всегда таило в себе опасность чрезмерно линейного подхода, при котором «низовая», площадная и массовая литература является малоподвижным и достаточно пассивным объектом изменений, в большей или меньшей степени принимающим навязанные «сверху» смыслы. Между тем, ни сами границы между площадной и ученой культурой не были непроницаемы, ни «низовая» культура не пребывала в неподвижности, как, на примере английского общества раннего Нового времени, показали работы А. Фокса, Б. Кэппа, Д. Кресси и других исследователей²⁸. В частности, выводы этих авторов подтверждает и анализ площадной литературы, посвященной рождению чудовищных младенцев.

Когда мы обращаемся к ранней площадной литературе, то нелегко однозначно ответить на вопрос, что важнее для авторов баллады и площадного листка: дать предельно четкое и детальное описание удивительного новорожденного или подчеркнуть религиозный и моральный смысл его рождения. Внешний вид и смысл Божьего послания в глазах современников были тесно взаимосвязаны: отсутствие головы могло указывать на «обезглавленность» страны, раздираемой гражданской войной, складки кожи вокруг шеи осуждали моду на рюши и т.д. Однако часто – и именно в площадной литературе – детализация облика не несла в себе никакой дополнительной символической нагрузки.

Практически всегда лист или баллада сопровождалась рисунком, и эти рисунки стремились к точности воспроизведения, хотя, как доказывает А. Бэйтс, и представляли обычно даже мертворожденных младенцев живыми и более взрослыми, чем на самом деле²⁹. В этом отношении баллады о чудовищных рождениях стоят особняком во всем комплексе площадных баллад Англии, поскольку одни и те же гравюры к балладам и памфлетам обычно использовались многократно. Так, изображения одной и той же дамы или кавалера сопровождают различные любовные баллады, один и тот же кавалер может оказаться над текстом баллады о

---

²⁷ Crawford. 2005. С. 11-16.

²⁸ Cressy. 1997; Fox. 2000; Capp. 2003.

²⁹ Bates. 2005. С. 29-30.

предсмертном наставлении отца сыну и над балладой о расставании влюбленных³⁰. Чудовищные же младенцы изображались вполне индивидуально, и их вид соответствовал описанию, данному в тексте памфлета или в обширном прозаическом заголовке баллады. В этом смысле, безусловно, оправдано замечание Бэйтса о том, что чудовищные младенцы раннего Нового времени не являются аллегорией, в отличие от рас монстров, которыми средневековая мысль населяла отдаленные края земли, а подчеркнуто реалистичны и индивидуальны³¹.

Столь же точным и откровенным является словесное описание чудовища, в котором указывается точное количество конечностей, ушей, глаз, ртов и т.д. и их расположение на теле, включая такие подробности, как вид половых органов (или их отсутствие), незаросшие отверстия в теле, вид кожи и волос. Эти описания придают площадному тексту вид точной и свежей информации, по всей видимости, востребованной покупателями, и это является в английской площадной литературе одной из старейших и наиболее характерных черт – она проявилась уже в листе-памфлете 1531 г. и все еще прослеживалась в балладах 1660-х годов.

При этом символическое значение деталей внешнего облика может получить трактовку в тексте, но может быть и полностью опущено. Четкая связь деталей физического облика и связанного с ними духовного поучения прослеживается без исключения во всех книгах-памфлетах, но присутствует менее чем в половине площадных листов 1560–1600 гг. Баллада склонна рассматривать рождение уродка как знак от Бога в целом, но детализацией не злоупотребляет, если какая-то гипертрофированная деталь специально не провоцирует определенную ассоциацию. Наиболее популярная из этих ассоциаций – складки кожи, напоминающие рюши или другие части модного костюма. В трех из известных нам площадных листах этого периода можно обнаружить сравнения такого рода³².

Площадная баллада или листок стремились подчеркнуть достоверность события, поэтому всегда обеспечивали читателя сведениями о том, где произошло событие и кем были родители младенца. Наиболее детально баллада XVI века считала нужным указывать место: так, не всегда мы знаем имена родителей, но город или местечко, где младенец появился на свет, указано непременно. Далее, указывались причастные

---

³⁰ *Wurzbach*. 1990. С. 10.

³¹ *Bates*. 2005. С. 7.

³² The true reporte of the forme and shape of a monstrous childe, borne at Much Horkesley // A collection... С. 27-29; The true Discription of a Childe with Ruffes, borne in the parish of Micheham, in the countie of Surrey // *Ibid*. С. 242-245; A most strange and trew ballad of a monstrous child borne in Southampton // *The Shirburn ballads...* С. 293-295.

к событиям лица: владелец хозяйства, если родилось удивительное животное, отец – его имя и род занятий – если родился ребенок. Имя матери встречается значительно реже, обычно она упоминалась после мужа, только как «жена имярек». В балладе 1656 г. о ребенке из Стони Стратфорда, несмотря на то, что мать его была незамужней, ее имя не сообщалось, зато назван отец, Ричард Сотерн, который успел исчезнуть из города до рождения ребенка³³. Из десяти дошедших до нас баллад о рождении чудовищ с 1562 по 1602 год имя матери названо в трех, имя отца – в семи. В двух-трех случаях сообщалось о крещении родившегося живым «монстра» и о том, каким именем его нарекли. Это, в свою очередь, показывает, насколько пограничным был статус рожденного: в тексте памфлета или баллады он преимущественно называется *monster*, либо *monstrous child*, что не мешает рассматривать его одновременно и как человека, душа которого нуждается в спасении через крещение. Более того, в некоторых случаях он обретает черты обычного ребенка: может быть указано, что, несмотря на уродство других частей тела, «у него веселое лицо», и что он уже научился есть кашу³⁴. Чудовищная свинья точно так же остается свиньей – ест овощи, хлеб, траву и «прочее, что придется» и вполне здорова, несмотря на густую, как у барана, шерсть и когти на передних ногах³⁵.

Прозаический листок, а также прозаическое заглавие или послесловие к балладе кратко представляли факты, касающиеся рождения монстра, в балладе же, как правило, давался обширный эмоциональный комментарий к событию. В XVI в. этот комментарий был посвящен преимущественно изумлению, смешанному с трепетом перед неоспоримостью явленного во плоти знака Божьего неудовольствия. Нередко озвучивается мнение, что истории о новорожденных чудовищах являются признаком гендерной тревожности эпохи, олицетворяют для современников угрозу хаоса в социальной и гендерной иерархии и достаточно отчетливо направлены против женщин. Анализ площадной литературы заставляет с некоторой осторожностью относиться к утверждению, что тексты о рождении чудовищ несут выраженный мизогинистический смысл.

Как уже упоминалось, имя матери и ее роль в рождении чудовища как в площадных листках, так и в балладах, являются второстепенными деталями. Подразумевают ли эти тексты ее имплицитную вину: личную или как представительницы женского пола? И, если на то пошло, явля-

³³ The true fourme and shape of a monstrous Chylde...

³⁴ The true reporte of the forme and shape of a monstrous childe, borne at Much Horkesleye... С. 29.

³⁵ A mervaylous strange deformed swine. С. 188.

ется ли знак Божий обличением прежде всего греха родителей или предназначен для исправления всего рода человеческого? Медицинские трактаты того времени признавали и допускали, наряду с естественными причинами, прегрешения родителей, прежде всего, в сексуальной сфере. Амбруаз Паре писал в середине 1570-х, в своем трактате «О монстрах и чудесах»: «Определенно, часто эти чудовищные и удивительные существа происходят от суда Бога, который позволяет отцам и матерям производить на свет подобные мерзости из-за беспорядка, с которым они совершали соитие, как похотливые животные, ведомые своими аппетитами, без уважения ко времени или другим законам, установленным Богом или Природой»³⁶. Книги-памфлеты также акцентировали виновность родителей: зачатие ребенка вне брака, инцест, даже «праздность» – бродяжничество родителей – могли быть поняты как причина гнева Господа³⁷. Одновременно с личной греховностью родителей, объектом «послания» мог быть весь народ, например, англичане³⁸.

Однако площадные тексты дают несколько иную картину. Из 11 сохранившихся баллад и листков 1552-1602 гг. лишь в трех балладах можно обнаружить указания на виновность родителей, в двух случаях это грех матери. В одной из наиболее ранних баллад рождение монстра объясняется тем, что его родители состояли в браке с другими людьми, а монстра зачали, вступив в плотскую связь еще до того, как поженились между собой, хоть родился он уже в супружестве³⁹. Автор баллады «The true fourme and shape of a monstrous Chylde whiche was borne in Stony Stratforde» упоминает, что сросшиеся телами девочки родились вне брака, но никак не комментирует этот факт, будучи всецело заинтересован профетическим значением появления на свет чудовищного младенца⁴⁰. И лишь в третьем случае мы встречаем знакомый по другим видам текстов сюжет: Маргарет Мир, которая вела распутный образ жизни, родила внебрачного и, предсказуемо, чудовищного ребенка⁴¹.

С другой стороны, в нескольких балладах поднималась тема греха родителей, но авторы не разделяли этой идеи. Так, автор баллады «The true discription of two monstrous Chyldren Borne at Herne in Kent», большую часть текста, повествующего о рождении сиамских близнецов, по-

---

³⁶ Цит. по *Bates*. 2005. С. 16.

³⁷ *Strange newes out of Kent*. 1609.

³⁸ *Brammall*. 1996. С. 11.

³⁹ *The true reporte of the forme and shape of a monstrous childe...* С. 29.

⁴⁰ *The true fourme and shape of a monstrous Chylde...*

⁴¹ *The forme and shape of a monstrous Child, borne at Maydstone in Kent, the xxiiij. of October, 1568 // A collection...* С. 194-195.

свящает рассуждению о том, что подобные знаки посылаются вовсе не для того, чтобы указать на скрытый грех родителей (как, насколько известно автору, полагают многие). Это знак для всех людей, ниспосланный для того, чтобы они не обольщались мирскими благами и не судили других, а молились, прося простить их грехи и изменяли к лучшему собственную жизнь. Свою точку зрения автор подкрепляет ссылками на евангелия от Луки и от Иоанна⁴². Автор другой баллады поддерживает это мнение, а тех, кто считает виновными родителей, сравнивает с фарисеями: «Но гордые, хвастливые фарисеи / Обличат родителей / И рассудят, с отвратительной злобой, / Что жизнь их нечиста. / Нет-нет, урок этот – нам всем, / Каждый день нарушающим закон / Быть может, в большей степени, чем чудища, / Которым Господь дал родиться»⁴³. Даже заглавие этой баллады подчеркивает тот факт, что в данном случае монстр – «законнорожденный». В балладе о чудовищном младенце из Чичестера указано, что его родители, мясник Винсент и его жена, «оба честного и тихого поведения, у них были раньше дети естественных пропорций, а этот был выношен полное время»⁴⁴. Судя по этому замечанию, автор баллады видит три возможных причины появления уроды (не оспаривая того, что прежде всего это Божий знак): грех родителей, физическое отсутствие возможности иметь нормальных детей и проблемы во время беременности. Далее он указывает, что все эти три причины в данном случае не объясняют события, «не работают». Добавим, что четыре сохранившихся площадных текста того же периода о рождении «чудовищных» свиней полностью совпадают по структуре, эмоциональному тону и выводам с балладами о младенцах, но, естественно, никак не могут указывать на грехи родительницы.

Таким образом, площадные тексты признают теоретически возможность духовной вины родителей в порождении чудовища и то, что вера в это широко распространена, но сами не склонны отдавать этой версии предпочтение. Преимущественная виновность матери, женщины, в рождении монстра также не акцентирована. Сравнивая прохладное отношение площадной литературы к теме «греха родителей» с развернутыми описаниями этих грехов в памфлетах, нетрудно заметить, насколько сильно протестантское рвение меняет цвета в палитре, по которой мы судим об общественном мнении той эпохи.

⁴² The true discription of two monstrous Chyldeyn Borne at Herne in Kent...

⁴³ The true discription of two monstrous children, lawfully begotten betwene George Steuens and Margerie his wyfe, and borne in the parish of Swanburne // A collection... С. 218.

⁴⁴ A discription of a monstrous Chyldey borne at Chychester in Sussex, the xxiii. daye of May // A collection... С. 201.

Другой, предположительно антифеминистический аспект, обычно связывают с неоднократным осуждением Богом через появляющихся по Его воле чудовищ роскошной и модной одежды, прежде всего, кружевных рюшей. Однако здесь уместно напомнить, что рюши представляли собой деталь не только женского, но и мужского костюма эпохи, и лишь одна баллада раннего периода прямо связывает их с женским платьем: «И ты, о Англия, чей женский пол / Слишком часто ходит в рюшах...»⁴⁵. Одновременно другая баллада обвиняет в ношении рюшей оба пола и ополчается в равной степени на мужские и женские моды (сообщая, среди прочего, о рождении теленка с «рюшами» и «штанами» из складок кожи): «...И в рюшах, так что зритель с трудом отличит на вид / Их от телят, их мода посрамлена. / Видя его (теленка – *Н.К.*) мы видим наши слишком широкие штаны / И избыток ткани там, где желанна естественная форма»⁴⁶. Также встречаются и укоризны по поводу моды, обращенные исключительно к мужчинам. Описывая очередного монстра, автор подчеркивает: «Вдоль шеи его и плеч / Вились черные завитые пряди волос / Совсем как те локоны, что многие мужчины / Сейчас носят на головах»⁴⁷.

Таким образом, и в ранней балладе отсутствует выраженный антиженский подтекст, более того, авторы явно предпочитают обличать грехи всех полов и возрастов без изъятия и всех призывают к отказу от греха: «Будь ты жадный богач, нуждающийся бедняк, / И молодой человек, и девица, и замужня жена!»⁴⁸. Не отрицая существовавшей напряженности в гендерной сфере, следует заметить, что английская площадная литература, как в балладах о монстрах, так и в других темах, не была склонна к мизогинии.

Следует отметить еще одну характерную деталь раннего площадного текста о чудовищах: в нем практически не отводилось места личной драме. Судьба и переживания ребенка, его родителей, принимавшей роды повитухи, соседей и свидетелей рождения не упоминались. Основной пафос этих текстов заключался в том, что рождение подобного существа является одним из последних знаков, свидетельствующих о гневе Господа и о его милости, поскольку он предупреждает людей и дает им шанс принести покаяние и изменить свой образ жизни к лучшему. «...и если мы не преинем так поступить / И совершенно раскаться / Он, без сомненья, нас утешит / И души наши успокоит»⁴⁹.

⁴⁵ The true Discription of a Childe with Ruffes... // A collection... С. 245.

⁴⁶ The true reporte of the forme and shape of a monstrous childe... // Ibid. С. 29.

⁴⁷ A most strange and trew ballad of a monstrous child... // The Shirburn ballads. С. 294.

⁴⁸ A mervaylous strange deformed swine // A collection... С. 188.

⁴⁹ The Shape of ii monsters, MDLxii // A collection... С. 46.

Ни один известный нам текст не рассматривает рождение чудовищного младенца как знак неизбежности небесной кары. Одновременно с попыткой вселить тревогу – а в текстах часто повторяются слова *dread, fear, God's wrath*, – присутствует и менее гнетущая интонация: удивление перед чудесами господними, обилие производных от *marvel, wonder, strange*.

При большом сходстве основных мотивов, в некоторых балладах отчетливо слышны индивидуальные авторские интонации. Анонимный автор баллады «A meruaylous straunge deformed Swyne», обыгрывая тот факт, что свинья поросла густой овечьей шерстью, вновь и вновь обращается к метафоре «волки в овечьей шкуре», сперва обвиняя человечество в неискреннем, показном уважении к слову божьему, а потом переходя на вполне светскую почву. Он обличает изменников и предателей страны и королевы, на вид чистых, как агнцы, но черных душой⁵⁰. Хотя в других балладах мы не найдем столь явно озвученных прогосударственных мотивов, но, безусловно, авторы ранней площадной баллады весьма широко понимали сферу моральных улучшений, к которой зывало рождение чудовищного младенца. Покаяние, отказ от стяжательства, любовь к ближнему, познание слова Божия, возвращение от праздности к труду, верность монарху, переход от роскоши и модных аксессуаров к скромной одежде, воздержанность на язык – вот неполный перечень того, чего требовали ранние площадные тексты от читателей.

Тон площадных листков и баллад XVI века о рождении чудовищ всегда оставался серьезным. Даже менее пророческие, но и сходные по многим признакам с балладами о монстрах, описания чудовищных рыб (обычно, видимо, китов), изловленных в море и доставленных в Англию, хоть и призывали не столько к покаянию, сколько к изумлению чудесами Божьими, описывая гигантские челюсти и брюхо, все же никогда не превращались в шуточные. Чудеса и чудовища принадлежали Богу, сакральность этой темы ясно ощущалась на протяжении всего XVI века.

В полном соответствии с этой серьезностью, в указанный период еще очень слабо заметна тенденция превращать монстров в центральных лиц платных шоу, какими они стали ко второй половине XVII в. – и удивляли заезжих иностранцев в качестве английской национальной особенности⁵¹. Но первые шаги в этом направлении уже были сделаны: чудовищные рыбы и свиньи специально привозились на рынки и в большие города, чтобы стать поучительным и, без сомнения, развлека-

---

⁵⁰ A mervaylous strange deformed swine // A collection... С. 186-188.

⁵¹ *Semonin*. 1996. С. 70.

тельным зрелищем⁵². Единственный из известных нам текстов указывает на то, что и чудовищный ребенок стал объектом показа. «Ребенок с рюшами» из Сэррея, девочка, как сообщалось в прозаическом послесловии к балладе, была живой и здоровой в десятидневном возрасте, и ее можно было увидеть Саутуорке⁵³.

В более поздних площадных текстах о рождении чудовищ, редко, но регулярно появлявшихся в 1610–1630 гг., начинают происходить существенные изменения. Эти тексты уже ощутимо связаны с книгами-памфлетами, которые также начинают появляться в указанный период, и заимствуют из них некоторые, ранее не проявлявшиеся черты. В большинстве своем они посвящены новостям о рождениях монстров за пределами страны и уже не претендуют на точность и истинность сообщаемых фактов: из них исчезает обязательное указание места действия, а если оно названо, при перепечатывании баллады может случайно измениться. Так, в 1609–1628 гг. в разных издательских домах несколько раз переиздается баллада о рождении двухголового монстра в Женеве – или Иене⁵⁴. Имена родителей чудовища также перестают встречаться, уступая место социальным маркерам: «жена богатого купца» «дитя богатых родителей».

Внешний вид монстра по-прежнему вызывает живейший интерес, однако порой приобретает тот же аллегорически-неправдоподобный вид, какой свойственен книгам-памфлетам на сходную тему. Ребенок, рожденный женевской гордой купчихой, появился на свет не только с двумя головами, но в одной руке держал зеркало, как обличение тщеславия своей матери, в другой – розгу, памятку об ожидающем ее наказании, на шее у чудовища оказались рюши, а на ногах – туфли с модными розетками⁵⁵. В этих текстах проявляется вся риторика проповеди или книги-памфлета о женских грехах, ранее отсутствовавшая, причем именно женщин призывают к покаянию: «Английские изящные, прекрасные дамы, / Взгляните на падение гордыни. / Распутницы, оставьте грех / Пусть Бог станет вам поводом⁵⁶. Авторы площадной баллады в поисках сюжетов, обращаются к памфлетам и широко заимствуют оттуда, как видим, не только сюжеты, но и морально-религиозные обвинительные установки. Возмож-

---

⁵² A Moste true and marveilous straunge wonder, the lyke hath seldom ben seene, of. XVII. Monstrous fishes, taken in Suffolke, at Downham bridge...

⁵³ The true Discripcion of a Childe with Ruffes... // A collection... С. 245.

⁵⁴ Prides fall: or a warning to all English women by a example of the strang monster, borne of late in Germany by a proude marchant's wife in the city of Geneva, 1609 // The Shirburn ballads... С. 134-139.

⁵⁵ Prides fall... С. 136-137.

⁵⁶ Prides fall... С. 134.

но, и рост напряжения в стране в годы правления первых Стюартов сыграл свою роль в изменении духовного климата, уменьшив его толерантность к предполагаемым нарушениям гендерной иерархии, склонив его к жестким моральным нормам, предлагаемым пресвитерианами.

Параллельно с рядом обличительных баллад возникает другой ряд, где, напротив, тема рождения чудовища оказалась в сильной мере «снижена», из сакральной превращаясь в анекдотическую. Площадные тексты, повествующие о чудовище, начали приобретать в одних случаях черты шуточной баллады, в других – практически рекламного проспекта, и в обоих вариантах осознание живущего среди людей монстра как знака от Бога заметно ослаблялось. Таков целый ряд баллад на английском языке или латыни, посвященный «гастролям» в Англии сиамских близнецов из Италии. Речь шла о братьях, сросшихся на уровне груди, причем один из них, Лазарус Колоредо, развивался нормально, второй, Иоанн Батист, задержался в развитии на младенческом уровне⁵⁷. Лазарус Колоредо, до того, как появиться в Англии, зарабатывал на жизнь, демонстрируя себя и брата в Италии, Германии и Нидерландах. В Англии он произвел большой фурор, получил официальное разрешение на свои выступления, предстал перед королем, а потом еще несколько лет гастролировал по городам страны. Есть предположение, что баллады о себе он писал (или заказывал написать) сам, чтобы расширять круг посетителей⁵⁸. Это предположение звучит довольно убедительно, поскольку баллады о братьях Колоредо явно отличаются от других английских баллад о чудовищах. Характерно, что даже слово «чудовище» в них отсутствует, замененное на «диво» (*wonder*). В этих текстах нет ни малейшего намека на то, что сросшиеся близнецы являются неким знаком или символом, абсолютно отсутствуют попытки морализаторства. Содержание баллад сводится к подробному описанию «божьего чуда», причем тон его дружелюбен, Лазарус назван «джентльменом» и «приятным человеком». И, разумеется, баллады извещают о том, что диво находится в Англии, в Лондоне, и призывает поглядеть на него. «Монстр» XVI века в этих текстах уже превращается в удивительный на вид, но вполне «земной» объект любопытства: баллады дают ответы на вопросы о том, как ест второй, малый близнец, чувствует ли он боль, вместе ли болеют братья?

Однако, не одни только баллады о братьях Колоредо десакрализируют человека-монстра, несколько других площадных текстов также выказывают эту особенность периода 1610-1630 гг. К примеру, баллада

---

⁵⁷ *Historia AEnigmatica de gemellis Genoe connatis...*; The two inseparable brothers. ...

⁵⁸ *Bates*. 2005. С. 150.

«A monstrous shape, or a shapeless monster»⁵⁹, единственная сохранившаяся из пяти различных баллад, посвященных одному и тому же сюжету – приезду в Англию из Нидерландов «монстра» с телом женщины и головой свиньи, несмотря на пугающее название, написана в легком, шутовском тоне. Основу ее составляет веселое перечисление достоинств девицы: стройная фигура, лилейные руки, приятные манеры, а также богатое приданое в виде денег, скота и полей – и сожаление, что она все еще не нашла себе жениха: ведь вместо лица у нее свиная морда.

Таким образом, площадная литература в первой трети XVII в. значительно лишается прежнего, серьезного и душеспасительного тона, теперь читателя привлекает не столько скрытое послание небес, сколько диковинка сама по себе, и это настроение подчеркивается тем, что чудовища теперь не рождаются по соседству, они прибывают в страну во взрослом виде из далеких мест. В лексическом плане характерной новинкой является многократное употребление слова «восхищение» (*admiration*), отсутствовавшего в ранних балладах на эту тему. Новое отношение авторов (и, вероятно, покупателей) площадных текстов к чудовищам представляет собой скорее смесь изумления и восхищения, чем страха и раздумья о собственных моральных недостатках. Неслучайно именно в этот период демонстрация уродов становится неизменным атрибутом рынков и ярмарок, включая знаменитую Варфоломеевскую ярмарку.

Интересно отметить, что, перейдя черту, отделяющую серьезную тему от смеховой, сама форма баллады о чудовище становится шаблоном, который годен для шутовских и сатирических произведений. Так, в 1643 г., в разгар гражданской войны, была отпечатана промонархическая баллада «A strange Sight to be seen at Westminster»⁶⁰. Она построена по всем законам жанра: называет место события, указывает на то, что подобного чудовища еще не видано было в Англии, подробно описывает рожденного монстра: безголового, однако с рогами, множеством ушей, ртов и рук, в которых оно сжимает пики и мушкеты. Существо полно злобы и пороков, не боится ничего на свете, кроме кавалеров, прожило уже три года и является порождением Дьявола, своего отца и Сити, вскормившего его. Автор приглашает всех посмотреть на это диво, потому что «оно уж еле дышит и, того гляди, скоро помрет». В данном случае мы видим, как политическая сатира использует сюжет о рождении чудовища как обертку, легко распознаваемую читателем.

---

⁵⁹ A Pepysian Garland. 1922. С. 451-454.

⁶⁰ A strange Sight to be seen at Westminster...

Как известно, в период с 1648 по 1653 год издание баллад было запрещено, наравне с театральными представлениями и прочими видами увеселений, а возобновившийся во второй половине 1650-х гг. поток площадной литературы отличает все более сильное дистанцирование авторов баллад от той аудитории, для которой они сочиняли. Баллада все в меньшей степени является попыткой автора разделить свои взгляды с читателем, и все заметнее стремится развлекать и поучать менее образованных и обеспеченных соотечественников.

Во многом рассказ о чудовищах сохраняет видимость прежней канвы: сообщает о месте рождения младенца, его родителях (теперь имя матери упоминается столь же часто, как имя отца), описывает внешний вид младенца и призывает читателя избегать грехов и чистосердечно раскаиваться. Но внутренние метаморфозы текста обширны. Так, практически во всех балладах о чудовищах 1660-90 гг. значительное место занимает описание переживаний тех, кто присутствовал при событии: родителей, повитух, соседей. Баллада «Natures Wonder?» (1664) сообщает: «Все женщины были испуганы / При таком устрашающем зрелище / Также и повитуха была в смятении / Когда оно появилось на свет. / Но больше всех слабая мать / В ее горестной боли / Долго не могла вымолвить ни слова / Так она скорбела. / Два дня и две ночи прожил монстр / В ужасных страданиях. / Родители печалились и горевали / И соседи приходили посмотреть»⁶¹. Далее в этой же балладе указывается, что ребенок был анатомирован хирургом, а после забальзамирован и выставлен для показа в Лондоне, причем и в родительском доме, и позже, многочисленные посетители хотели увидеть его за деньги и в первый же день его отец, бедный человек, получил 20 фунтов от «достопочтенных персон». Переходя в разряд удивительных, но персонализированных и «частных» казусов, рождение монстра перестает, по сути, быть общезначимым событием.

Чувствительная история, сочетающаяся со ставшей привычной демонстративностью, доминирует в новом стиле сочинения баллады о рождении чудовища. Обязательное же – и столь животрепещущие в конце XVI в. – стремление разгадать суть явленного Богом знака – низведено до достаточно краткого и обтекаемого призыва к покаянию. Авторы баллад не пытаются указывать на наиболее отвратительные, с их точки зрения, грехи, требующие срочного исправления: тщеславие, праздность, измена, равнодушие к духовному поучению, что было свойственно ранней площадной балладе. Это еще раз показывает, что баллада конца XVII в. – действительный результат «реформы нравов»:

---

⁶¹ Natures Wonder? // University of Glasgow Library.

она не является актуальной и тревожной темой для самих авторов, но создается профессионалами на потребу низшим социальным стратам общества и сознательно наполняется смыслами, которые образованная элита не разделяет, но считает подходящими для данного случая.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- A collection of seventy-nine black-letter ballads and broadsides printed in the reign of Queen Elizabeth, between the years 1559 and 1597, comp. by Joseph Lilly. L.: Chiswick Press. 1867. – 319 с.
- Historia AEnigmatica de gemellis Genoe connatis // Коллекция Британского музея, [Электр. ресурс] http://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details.aspx?objectId=3052293&partId=1&searchText=1862,1009.239&page=1.
- Machyn H. The diary of Henry Machyn. L.: J.B Nichols & Son, 1848. 464 p. Электр. ресурс: British History Online - <http://www.british-history.ac.uk/source.aspx?pubid=324>.
- A Moste true and marvelous straunge wonder, the lyke hath seldom ben seene, of XVII. Monstrous fishes, taken in Suffolke, at Downham brydge // Huntington Library Britwell 18306 • 32270 [Электр. ресурс] <http://ebba.english.ucsb.edu/ballad/32270/image>.
- Natures Wonder? // University of Glasgow Library Euing 237 • 31785 [Электр. ресурс] <http://ebba.english.ucsb.edu/ballad/31785/image>.
- A Pepysian Garland. Black-letter broadside ballads of the years 1595-1639 / Ed. by Hyder E. Rollins. Cambridge: Harvard University Press. 1922. – 475 с.
- The Shirburn ballads, 1585–1616. Ed. by A. Clark. Oxford: Clarendon Press, 1907. 380 с.
- Stow John. The Annales of England. L. 1592.
- Strange newes out of Kent, of a monstrous and misshapen child, borne in Olde sandwich, upon the 10. of Julie, last, the like (for strangenes) hath never beene seene. L.: T.C. for W. Barley. 1609. – 54 с.
- A strange Sight to be seen at Westminster // Huntington Library Miscellaneous 123914 • 32196. [Электр. ресурс] <http://ebba.english.ucsb.edu/ballad/32196/image>.
- A transcript of the Registers of the Company of Stationers of London, 1554-1640. Vol. 1. Ed. by Edward Arber. L., 1875. – 596 с.
- The true fourme and shape of a monsterous Chyld whiche was borne in Stony Stratforde, in North Hamptonshire // Huntington Library Britwell 18293 • 32225. [Электр. ресурс] <http://ebba.english.ucsb.edu/ballad/32225/image>.
- The true discription of two monsterous Chyldren Borne at Herne in Kent. The. xxvii. daie of Auguste In the yere our of Lorde // Huntington Library Britwell 18316 • 32404 [Электр. ресурс] <http://ebba.english.ucsb.edu/ballad/32404/image>.
- The two inseparable brothers / OR / A true and strange description of a Gentleman (an Italian / by birth) about seventene yeeres of age, who hath an imperfect (yet living) / Brother, growing out of his side // <http://ebba.english.ucsb.edu/ballad/30865/citation>.

Литература

- Andersson C. Popular imagery in German Reformation broadsheets // Printing and culture in the Renaissance / Ed. by G.P. Tyson and S.S. Wygonheim. Newark: University of Delaware Press. 1986. – С. 120-150.

- Block John Freedman.* Foreword // The Ashgate research companion to monsters and the monstrous. Ed. by Asa Simon Mittman and Peter J. Dendale. Ashgate Publishing Limited. 2012. – С. XXV-XXXIX.
- Bates A.W.* Emblematic monsters. Unnatural conceptions and deformed births in Early Modern Europe. Amsterdam, N.Y.: Rodopi. 2005. – 323 с.
- Brammall Kathryn M.* Monstrous Metamorphosis: Nature, Morality and the Rhetoric of Monstrosity in Tudor England // Sixteenth Century Journal. Vol. 27. № 1. 1996. С. 3-21.
- Capp B.* When Gossips Meet: Women, Family, and Neighbourhood in Early Modern England. Oxford: Oxford University Press. 2003. – 408 p.
- Cheng, Sandra.* The Cult of the Monstrous: Caricature, Physiognomy, and Monsters in Early Modern Italy // Preternature: Critical and Historical Studies on the Preternatural. 2012. Vol. 1. No. 2. – С. 197-231.
- Crawford, Julie.* Marvelous Protestantism. Monstrous births in Post-Reformation England. Baltimore: The Johns Hopkins University Press. 2005. – 270 с.
- Cressy D.* Birth, Marriage, and Death: Ritual, Religion, and the Life Cycle in Tudor and Stuart England. Oxford: Oxford University Press. 1997. – 664 p.
- Fox, Adam.* Oral and literate culture in England, 1500–1700. Oxford: Oxford University Press, 2000. 497 с.
- Marvels, Monsters, and Miracles: Studies in the Medieval and Early Modern Imaginations /* Ed. by Timothy S. Jones and David A. Sprunger. Western Michigan Univ. 2002. 306 с.
- Niccoli, Otavia.* Prophecy and people in Renaissance Italy. Transl. from Italian Lydia G. Cochraine. Princeton: Princeton University Press, 1990. 208 с.
- Park, Katharine and Daston, Lorraine J.* The study of monsters in sixteenth- and seventeenth-century France and England // Past & Present, No. 92. 1981. С. 20-54.
- Purkiss, Diane.* Literature, Gender and Politics during the English Civil War. Cambridge: Cambridge University Press. 2005. 300 с.
- Semonin, Paul.* Monsters in the Marketplace: The Exhibition of Human Oddities in early Modern England // Freakery: general Spectacles of the extraordinary Body / Ed. by Rosemarie Garland Thompson. N.Y.: N.Y. Press. 1996. С. 69-81.
- Wilson, Dudley.* Signs and Portents: Monstrous Births from the Middle Ages to the Enlightenment. N.Y.: Routledge. 1993. 232 с.
- Williams Wes.* Monsters and their meanings in Early Modern culture. Mighty magic. Oxford: Oxford University Press. 2011. 345 с.
- Wurzbach, Natasha.* The rise of the English street ballad, 1550–1650. Cambridge: Cambridge University Press. 1990. 372 с.
- Алябьева Л.* Литературная профессия в Англии в XVI–XIX веках. М.: Новое литературное обозрение. 2004. 400 с.
- Бергер Е.* «Нехорошо, что монстры живут среди нас» (Амбруаз Паре о причинах врождённых аномалий) // Средние века. 2004. № 65. С. 147-165.
- Карначук Н.В.* «Штаны и рюши» или Что может рассказать символика костюма о гендерной напряженности в семье и социуме Англии конца XVI – начала XVII вв. // Адам & Ева. М.. 2006. С. 141-160.
- Карначук Н.В.* Площадная английская баллада XVI–XVII вв.. Текст как исторический источник // Диалог со временем. 2012. № 45. С. 237-250.

Карначук Наталия Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры английской филологии Томского государственного ун-та; karnach2005@yandex.ru.